

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В КОНТЕКСТЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ТЕПСЕЙСКОГО МИКРОРАЙОНА*О. С. Советова, И. В. Аболонкова*ROCK ART TRADITIONS IN THE CONTEXT OF THE ARCHAEOLOGICAL MATERIAL
OF TEPSEI MICRO-REGION*O. S. Sovetova, I. V. Abolonkova*

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации: ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», Соглашение 14.B37.21.0954; Государственное задание НИР, регистрационный № 01203263112.

Статья посвящена анализу изобразительных традиций в наскальном искусстве археологического микрорайона Тепсей в контексте археологических материалов, полученных в ходе изысканий Красноярской АЭ в 1960–70 гг. Самые ранние петроглифы выполнены в «минусинском» и «ангарском» стилях, хотя вещественные объекты, сопоставимые с эпохой энеолита, здесь не выявлены. Наиболее представительные серии рисунков относятся к эпохам бронзы, раннего железного века и тесинского времени, что соотносится с массовым материалом, полученным в результате раскопок. Таштыкская культура представлена уникальными материалами раскопок, наскальные изображения этой эпохи пока представлены слабо. Изображения эпохи средневековья маловыразительны и в целом атрибутированы слабо, тогда как вещественный материал обширен и разнообразен. Выявлены различные стилистические группы в пределах конкретных изобразительных традиций.

The article is devoted to the analysis of the image traditions in the rock art of Tepsei archaeological micro-region in the context of the archaeological materials obtained during the Krasnoyarsk archaeological expedition in the 1960s – 1970s. The earliest petroglyphs were depicted in the «Minusinsk» and «Angara» styles, though excavation materials dated by the Aeneolithic period were not found there. The most representative series of images are dated by the Bronze Age, the Early Iron Age and the Tesin period. They are corresponded to the numerous materials discovered at the excavations. Tashtyk culture is presented by the unique excavation materials; petroglyphs of this period are rather rare. The Middle Age images are expressionless and, commonly, attributed poorly while the excavated material is extensive and various. Different stylistic groups within concrete image traditions are revealed.

Ключевые слова: археологический микрорайон Тепсея, петроглифы, археологические памятники, изобразительная традиция.

Keywords: archaeological micro-region of Tepsei, petroglyphs, archaeological monuments, image tradition.

Археологический микрорайон Тепсея (АМТ) является одним из наиболее известных в Сибири. Начиная с 1964 г. и с определенными перерывами до недавнего времени здесь неоднократно велись раскопки, носившие вначале разведочный и спасательный характер, а в 1975 – 1977 гг. ставшие масштабными. Проводимые работы осуществлялись в порядке археологического надзора за переработкой берегов Красноярского водохранилища. Общая площадь исследованного микрорайона составила около 15 га. Особенно активные работы проводились Красноярской АЭ под руководством М. П. Грязнова на небольшой надпойменной террасе у подножия горы Тепсей. Здесь, в 21 топографическом пункте, были зафиксированы археологические памятники (в основном погребальные) одиннадцати последовательных культурно-исторических периодов [8, с. 3 – 9]. Самые ранние археологические объекты, открытые здесь, относятся к эпохе бронзы, самые поздние – к этнографическому времени. В погребениях и на поселениях обнаружены каменные предметы, керамика, изделия из кости, бронзы, железа и дерева, гипсовые маски и многое другое. Одной из разновидностей археологических объектов данного микрорайона являются петроглифы. Они расположены на скалах береговых утесов, во внутренних логах, на выходах девонского песчаника, тянущихся ярусами по склонам, достигая

самых высоких точек, а также на курганных камнях и, судя по скудным публикациям, на плитах, содержащих некогда внутри могильных сооружений. К сожалению, во время работ Красноярской АЭ по объективным причинам последним не было уделено достаточного внимания, и скорее всего, большой массив этих важных источников погиб.

По мнению Д. Г. Савинова, тепсейский археологический микрорайон, чрезвычайно насыщенный археологическими памятниками различных исторических эпох, может считаться особой «сакральной территорией» [30, с. 48 – 53]. Погребальные памятники Тепсея свидетельствуют о существовании у оставившего их населения сложных мировоззренческих представлений. Сами конструкции погребений, рисунки на курганных камнях, наличие поминальных объектов (ямки с поминальными приношениями; ритуальные захоронения людей с вертикально установленными рядами камней около могил – каменными поминальниками; остатки шкур жертвенных животных, убитых во время поминальных тризн (?), сопроводительный материал и др.), погребальные маски, а также такие, удивительным образом сохранившиеся изобразительные памятники, как таштыкские плакетки с гравированными рисунками, – вот далеко не полный перечень подобных свидетельств. Одной из важнейших исследовательских задач является получение представления о том, когда и ка-

ким образом петроглифы были вовлечены в духовную сферу их творцов, обоснование хронологической атрибуции конкретных серий изображений и в конечном итоге – получение определенной исторической картины о жизни обитателей не только рассматриваемого микрорайона на протяжении многих веков, но и Минусинской котловины в целом. Для решения этой задачи имеется богатая источниковая база, позволяющая рассматривать изобразительные традиции в конкретном археологическом контексте.

К настоящему времени уже сложились определенные представления относительно хронологической принадлежности наскальных изображений Тепсея. В данном случае под изображениями Тепсея мы имеем в виду всю совокупность петроглифов как юго-западного и северо-восточного склонов горы, по индексации, предложенной Я. А. Шером, – Тепсейских, так и южного склона, тянущегося вдоль правого берега р. Тубы – Усть-Тубинских (далее – У-Т – О. С., И. А.) [36, с. 148 – 153].

По мнению Я. А. Шера, самые ранние из рисунков выполнены в так называемом «минусинском» и «ангарском» стилях. Эпоха бронзы представлена изображениями окуневской культуры, главным образом сосредоточенных на усть-тубинской стороне; четко выделяются изображения, характерные для карасукской изобразительной традиции (Тепсей III), часть рисунков отнесена к эпохе бронзы предварительно (Тепсей II). Представительна и разнородна серия петроглифов раннего железного века; пока немногочисленны серии рисунков таштыкской культуры и эпохи средневековья в целом.

Анализ изобразительного материала в сопоставлении с вещественными находками позволил получить следующую картину (табл. I):

1. Самые древние изображения обнаружены в пунктах Тепсей I, У-Т I, II, III [36, рис. 68, 76 – 83 и др.]. Они представлены фигурами лосей, медведей, оленей, кабанов, выполненных в «минусинском» и «ангарском» стилях, и некоторых антропоморфных существ (рогатых человечков) [36, с. 187 – 194; 37, с. 180 – 181]. Что касается датировки этого слоя петроглифов, то до настоящего времени проблема остается дискуссионной [16, с. 25]. По концепции Н. Л. Подольского, впервые выделившего минусинский и ангарский стили, минусинский стиль появился на Енисее в эпоху энеолита, а затем некоторое время сосуществовал с ангарским, причем период его широкого распространения совпадал с окуневской культурой [26, с. 270 – 272]. Я. А. Шер некоторые рисунки У-Т II предположительно датировал эпохой неолита [36, рис. 76; с. 150], У-Т III – энеолитом-бронзой [36, с. 150]. Н. В. Леонтьев, проанализировав некоторые фигуры быков из Усть-Тубы II (напоминающих, по мнению Я. А. Шера, быков из Сармыша, которые «старше эпохи бронзы»), привел случай перекрытия подобного быка изображением лося, выполненным в окуневской изобразительной традиции. А это, по мнению исследователя, указывает на энеолитический возраст анализируемых изображений быков [20, с. 58]. Часть исследователей осторожно относит такие изображения к «доафанасьевскому времени» [23,

с. 221 и др.], другие же склонны связывать с афанасьевской культурой [12, с. 53 – 73].

Что касается археологических материалов АМТ, то самые ранние из них датируются исследователями афанасьевским временем, хотя в нижнем слое стоянки (Т X) и в некоторых могилах этого времени встречаются предметы из камня: обломок шлифованного топора, кремневый посредник, «утюжок» из сланца, скребок. Среди находок афанасьевской культуры найдены остродонные яйцевидные горшки и шаровидные или реповидные сосуды с орнаментом в виде елочки и ряда косых оттисков гребенки, а также каменные колотушки [10, с. 24, 25, 27].

2. *Окуневские* и *карасукские* изображения. Петроглифы окуневского времени выявлены в разных пунктах Тепсея и различаются между собой стилистически.

На У-Т V Я. А. Шером обнаружены изображения окуневских личин, некоторые другие изображения, характерные для искусства этой культуры [36, с. 153; 38, pl. 46 – 20b.1, 21.1; pl. 56 – 51a.1–51a.5; pl. 72 – 6.1, 6.2]. Отметим имеющуюся точку зрения, что часть «окуневских» личин могла быть создана еще в афанасьевское время [17, с. 349].

Наиболее четко выделяется серия петроглифов к. II – нач. I тыс. до н. э., выполненных в особом геометрическом стиле, традиционно называемым «карасукским», характеризующимся схематичной, вплоть до линейной, изобразительной манерой [21, с. 33, 34]. Выразительные сцены с «конями у коновязи» представлены в пунктах Тепсей I, III [36, рис. 69, 72]. В ходе наших работ в 2012 г. в пункте Тепсей III обнаружены новые интересные сцены, основными персонажами которых являются антропоморфные и зооморфные существа, выполненные в том же стиле, а единичные изображения найдены также в других пунктах Тепсея.

Можно отметить также наличие группы изображений, которые пока лишь интуитивно отнесены к эпохе бронзы. Они встречаются в разных местах Тепсейского лога (Тепсей II). Не выделены пока и петроглифы, которые можно было бы отнести к андроновской культуре. Археологические материалы эпохи бронзы на АМТ достаточно разнообразны. Среди материалов андроновской культуры, обнаруженных лишь в пункте Тепсей IV, отмечены сосуд и несколько бусин [4, с. 50]. Окуневские материалы также многочисленны. Они представлены небольшим горшком, игольником из птичьей кости с костяной иглой в нем, бронзовым шилом, мелкими аргиллитовыми бусинами, подвеской из клыка хищника [7, с. 28]. К карасукскому времени, представленному на АМТ большим количеством находок (по сравнению с другими археологическими культурами эпохи бронзы), относятся керамика, изделия из бронзы (височные кольца, серьги, пуговицы-бляшки и др.), аргиллитовые бусинки [4, с. 69].

3. Пожалуй, самые массовые на памятнике – петроглифы эпохи *раннего железного века* (время тагарской культуры). Они представлены как зооморфными (олени, кони и др.) (Т I, Т II, Т IV, У-Т III, У-Т IV), так и антропоморфными персонажами (часто в батальных сценах) (Т II, Т IV, Т V, У-Т I, У-Т II, У-Т III, У-Т IV).

Стилистически зооморфная серия разнообразна, что позволяет выделить отдельные группы рисунков, различающиеся, очевидно, и хронологически. Наиболее выразительны реалистичные изображения оленей, выполненные контурно, с корпусами, заполненными спиралями и завитками, с обозначенным глазом и в характерных позах – с подогнутыми под живот ногами и в позе «внезапной остановки». Среди них можно выделить изображения, соответствующих раннему этапу скифо-сибирского стиля, и рисунки, демонстрирующие этап уже «зрелого» стиля (численно такие рисунки преобладают).

Еще одно стилистическое направление представлено изображениями, выполненными силуэтно или линейно, не столь реалистично, как описанные выше. Некоторые из них, зафиксированные Я. А. Шером в пунктах У-Т V, VI, были отнесены им к «раннетагарскому времени» [36, рис. 85], но, к сожалению, без какого-либо обоснования. Пока у нас нет оснований для выделения ранних или поздних рисунков в этой группе петроглифов. Преимущественно такие изображения зафиксированы на скалах, на отдельных плитках [2, рис. 2, 3], а также на камнях тагарских курганов Тепсея. Не исключено, что изображения, выполненные в этом стиле, соответствовали вкусам совсем другой группы населения. Вообще истоки этого «упрощенного» стиля до настоящего времени не выявлены. Пока мы можем лишь констатировать, что обе стилистические группы изображений – «реалистичные» и «упрощенные» – могли как сосуществовать, так и не совпадать во времени.

Археологические материалы АМТ свидетельствуют о наличии здесь большого числа памятников, относящихся к тагарской культуре. Наибольшая площадь АМТ занята курганами подгорновского этапа тагарской культуры. Среди полученных материалов этого периода – керамика, чеканы, стрелы, бронзовые бляшки, пронизки, бусины, бронзовые и костяные ножи, шила, зеркала, пряжки, втоки и др. [4, с. 111]. Имеется бронзовая пронизка, покрытая золотым листком [13, с. 45]. Сарагашенские материалы представлены керамикой, стрелами, изделиями из бронзы (нож, чекан, вток, бляшки, зеркала), бусинами [4, с. 119].

Отдельного внимания заслуживают петроглифы *тесинского времени*, к которому мы склонны отнести некоторые из рисунков на курганных камнях и скалах Тепсея. Совершенно очевидно, что среди тесинских рисунков Тепсея, как и Минусинской котловины в целом, четко различаются конкретные стилистические группы. Проблема их вычленения в настоящее время является одной из наиболее сложных, тем не менее на памятниках Минусинской котловины уже выявлено несколько отдельных групп постагарских изображений [22; 24; 25; 28; 33, фото 2, 15, 17, 18, табл. 5, 6, 16]. Одна из таких групп петроглифов выделена Я. А. Шером именно по рисункам Тепсея. Это стилистическое направление характеризуется относительным схематизмом фигур, искажением их пропорций при формальном сохранении некоторых черт скифо-сибирского звериного стиля. Я. А. Шер отмечал, что такие изображения тесинского времени уже не имеют всей полноты признаков, характерных для скифо-

сибирского стиля и демонстрируют его «вырождение»: завитки начинают приобретать чисто формальный характер, разрисовка корпусов извилистыми линиями уже не согласуется с общим контуром изображения, что приводит к общей деградации образа, который, потеряв свой былой орнаментализм, не приобрел еще ничего взамен [36, с. 252, рис. 123]. Аналогичные рисунки известны и по другим памятникам Минусинской котловины. Возможно, близкой является и другая группа рисунков, выделенная Д. Г. Савиновым на основе анализа материалов раскопок тесинского могильника, в котором были найдены плитки с изображениями спиралей, окружностей, лабиринтов и абстрактных мотивов, которые были идентифицированы им как тесинские [28; 29; 31].

Еще одну группу представляют рисунки писаниц Кунинской, Полосатой, Кавказской [3] и других памятников, в которых отражена смена одной изобразительной традиции (тагарской) другой (таштыкской). Е. А. Миклашевич отметила, что стилистически это еще в целом тагарские рисунки, но уже очень упрощенные по сравнению с хорошо детализированными каноническими изображениями времени расцвета тагарской культуры. Среди кунинских рисунков она выявила отдельную группу, которую соотнесла с сянбийской торевтикой и весьма аргументированно связала их создание с проникновением сянбийцев на берега Енисея во II – III вв. [22, с. 320 – 325].

На одной из курганных плит АМТ были зафиксированы рисунки, которые, возможно, представляют еще одно стилистическое направление этой эпохи. Их характеризует особая манера изображения, включая непривычные позы животных и антропоморфных фигур. При этом силуэтные фигуры мастерски выполнены мелкой изящной выбивкой, реалистичны. Положения ног животных не характерны для тагарских рисунков, но стиль этот еще и не таштыкский. Эти рисунки явно выбиваются из общей тенденции к упрощению изображений на тесинском этапе, отмечаемой многими авторами.

Археологические материалы, обнаруженные на Тепсее, также отражают всю сложность исторической картины этой эпохи и этническую неоднородность общества: так, здесь выявлены традиционные большие курганы-склепы, грунтовые могильники, содержавшие от 8 до 100 и более захоронений, и значительные группы небрежно сделанных могил рядом со склепом или на более древних кладбищах («впускные захоронения») [27, с. 70]. Материал представлен керамикой, роговыми, костяными и металлическими изделиями: застежками, кольцами, пряжками, пуговицами, нашивными бляшками и др. Особенности погребального инвентаря и приведенные ему аналогии позволили соотнести некоторые тепсейские могильники с тесинским этапом, датируемым М. П. Грязновым II – I вв. до н. э. [6, с. 191 – 194], другими авторами – продлевающими его до начала первого тыс. н. э. [29, с. 6 – 14]. Исследования могильника Тепсей VII предоставили материалы, неизвестные на Среднем Енисее в предшествующие эпохи, но имеющие полные аналогии в хуннских комплексах Забайкалья. На основе их анализа М. Н. Пшеницына сделала вывод о том, что в этом регионе на завершающей фазе развития тагарской

культуры в среде тагарских племен начали складываться и получать свое развитие все основные элементы, характерные в дальнейшем для таштыкской культурной общности. Поэтому тесинский этап в развитии культуры племен Среднего Енисея охарактеризован ею как самостоятельная и сложная по существу происходивших в этот период процессов эпоха, отразившая первое проникновение каких-то новых этнических элементов в среду тагарского населения минусинских степей [27, с. 70 – 89]. Отметим, что в последние годы интерес к тесинским памятникам значительно оживился [29].

4. *Таштыкская изобразительная традиция.* Открытие на Тепсее III в первом склепе серии деревянных планок с резными рисунками показало искусство таштыкских племен в исключительном блеске [9, рис. 59 – 61]. Но к большому сожалению, до настоящего времени наскальных рисунков таштыкской эпохи на горе Тепсей выявлено немного. Гравированные рисунки в основном известны по публикациям С. В. Панковой и И. Л. Кызласова. С. В. Панкова скопировала и опубликовала одну из ярких сцен (Т II), включающую изображения животных и человеческих фигур [24, с. 52 – 60; рис. 2]. И. Л. Кызласовым опубликованы рисунки, скопированные им на вершине горы, и представленные фигурами животных, воинов, таштыкских сосудов, саадака и др. [18, с. 103 – 108; рис. I – IX]. С. В. Панкова сообщает о том, что некоторые гравировки были зафиксированы также Н. В. Леонтьевым на одном из тепсейских «зубьев» [24, с. 52]. Кроме того, таштыкские гравировки выявлены и на камнях тепсейских курганов. Все это вселяет надежду на то, что гравированные рисунки таштыкской эпохи в АМТ еще могут быть обнаружены.

Также имеются на Тепсее и выбитые рисунки таштыкской эпохи. Это небольшое количество фигур животных (олений) из пункта Тепсей II, стилистически сходных с теми, что изображены на планках [38, рl. 17 – 19.2, 20.1; 32, рис. 9 – 1, 2], и фигуры воинов, обнаруженные в том же пункте [32, рис. 2 – 14]. Несколько аналогичных фигур выявлено на У-Т V [38, рl. 75 – 29.1, 29.6, 29.7]. По сведениям М. П. Грязнова, в «склепе 2 на одной из стенок детского ящика-гробика была изображена большая фигура воина, выполненная в стиле тепсейских планок» [9, с. 145 – 146] (к сожалению, осталось неясным, в какой технике она была выполнена).

5. *Петроглифы эпохи средневековья и этнографического времени* на Тепсее дифференцированы слабо. О наличии какой-то единой изобразительной традиции говорить пока не приходится. Наиболее аргументированно к серии поздних петроглифов можно отнести изображения оленей, верблюдов, тамгообразных знаков [32, рис. 9 – 4-11], поскольку они имеют сходство с народными рисунками хакасов [19].

Отдельно следует сказать о рунических надписях Тепсея [15]. Они обнаружены главным образом на скальных выходах у впадения р. Тубы в Енисей, а также известны надписи, открытые еще А. В. Адриановым почти под самой вершиной Тепсея в пещере [1, с. 43]. С. Г. Кляшторным надписи Тепсея датированы VIII – IX вв. [15, с. 324].

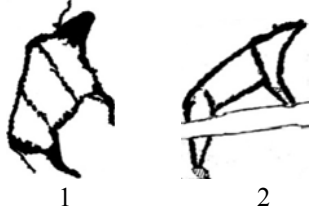
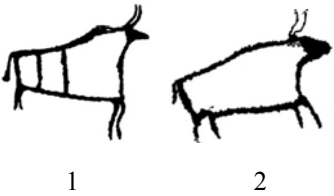

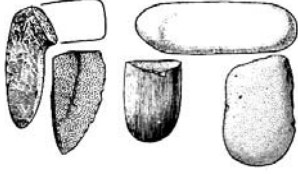
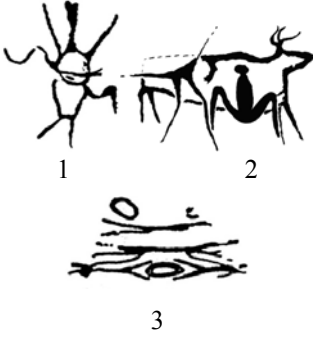
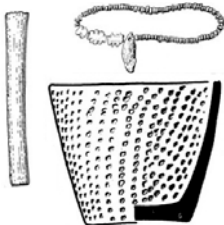

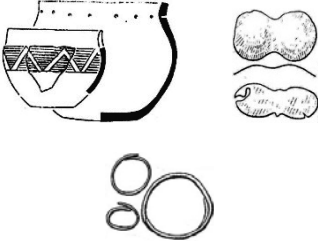
Материалы эпохи средневековья на Тепсее, полученные в результате раскопок, многочисленны и разнообразны. Памятники кыргызского времени сосредоточены на небольшом участке площадью около 0,5 га. Стоит отметить, что на Тепсее III выявлены захоронения взрослых мужчин с верховым конем. Мужчин снабжали оружием: сложносоставным луком с костяными накладками, берестяным колчаном с карманом, наполненным стрелами с трехлопастными железными наконечниками, топором-теслом, ножом, кинжалом, палахом. Сопровождавшие воинов кони были взнузданы и оседланы. Погребенные всех категорий снабжались предметами личного обихода: обязательно мясом овцы. В курганах, хронологически относящихся ко времени позднее X в., найдены детали конской узды – начельник с втулкой, накладкатройник с шарнирами и две накладки, соединенные шарниром, по своей конструкции и орнаментике характерные для кыргызских памятников XI – XII вв. [11, с. 158, 159].

Таким образом, археологические изыскания, проведенные в разные годы и разными исследователями в АМТ, позволяют представить следующую картину. Материалы Красноярской экспедиции предоставили колонку культур от эпохи бронзы до средневековья. Наскальные изображения датируются от эпохи энеолита (?) до этнографического времени. Самые ранние археологические материалы соотносятся с афанасьевской культурой, тогда как петроглифы, возможно, были введены в сферу сакрализованных действий еще раньше, о чем свидетельствуют рисунки, выполненные в «минусинском» и «ангарском» стилях (Тепсей I). Были эти художники местными или пришлыми – сказать невозможно. Но поскольку подобные рисунки обнаружены также на соседних памятниках – Оглахты, Потрошиловской писанице, Суханихе и др., не исключено, что художники могли быть и не местными. Наскальные изображения эпохи бронзы на горе Тепсей относительно разнообразны и в настоящее время целый массив рисунков может быть соотнесен с окуневской и карасукской археологическими культурами. На Тепсее материалы окуневской культуры выявлены лишь в одном пункте (Тепсей VIII), а окуневские рисунки встречены пока только на Усть-Тубинской стороне. Несмотря на наличие материалов андроновской культуры в материалах могильников, андроновскую изобразительную традицию здесь выявить не удалось (вопрос о выделении такого пласта рисунков уже поставлен в науке). Наиболее впечатляющие сцены карасукской культуры («конь у конюязи» и др.) зафиксированы в пункте Тепсей III. Рисунки этой эпохи есть и в других пунктах Тепсея и Усть-Тубы, но они менее выразительны. Раскопки дали большое разнообразие материалов, относящихся к эпохе бронзы. Они представляют все археологические культуры этого времени, но наиболее массовый материал соотносится с карасукской культурой. Самыми представительными, пожалуй, являются изобразительные серии тагарского и посттагарского времени. Помимо фигур животных, здесь имеются разнообразные батальные сцены, отражающие, очевидно, сложность исторической эпохи, в которую они были соз-

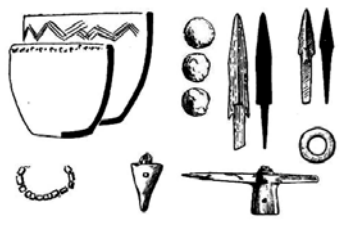

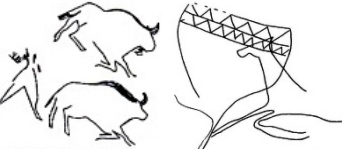

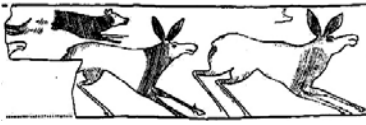
даны. Также многочисленны материалы всех периодов тагарской культуры, полученные из раскопок. Драматичное тесинское время также ярко отражено в вещественных и изобразительных источниках. Таштыкская изобразительная традиция, помимо эталонных памятников – тепсейских плакеток – проявляется и в наскальных рисунках, и на курганных камнях. Есть надежда, что источниковый корпус рисунков этой эпохи будет пополняться. Вещественные мате-

риалы, относящиеся к таштыкской культуре, выразительны и нередко уникальны. Многочисленен и разнообразен вещественный материал, относящийся к развитому и позднему средневековью, чего не скажешь о петроглифах. Возможно, дальнейшая работа по документированию и атрибутированию рисунков Тепсея позволит расширить наши представления и об изобразительных традициях этой эпохи.

Таблица 1

	<i>Тепсей</i>	<i>Усть-Туба</i>	<i>Археологический материал АМТ</i>
<i>Миусинский стиль</i>			
<i>Ангарский стиль</i>			
<i>Афанасьевская к-ра</i>			
<i>Окуневская к-ра</i>			
<i>Андроновская к-ра</i>			Черепки сосуда баночного типа, бронзовые бусины, на некоторых участках скелета – следы окиси меди.
<i>Карасукская к-ра</i>			

Продолжение таблицы 1.

<i>Тазарская к-ра</i>	 <p>1 2</p> <p>3</p> <p>4 5</p>	 <p>1</p> <p>2</p> <p>3</p>	<p><i>Подгорновский этап</i></p> <p><i>Сарагаиенский этап</i></p>
	<p><i>Тесинский этап:</i></p> <p>1 2</p> <p>3</p>		<p><i>Тесинский этап</i></p>
	<p><i>Таштыкская к-ра</i></p> <p>1 2</p> <p>3 4</p> <p>5</p>	 <p>1</p>	

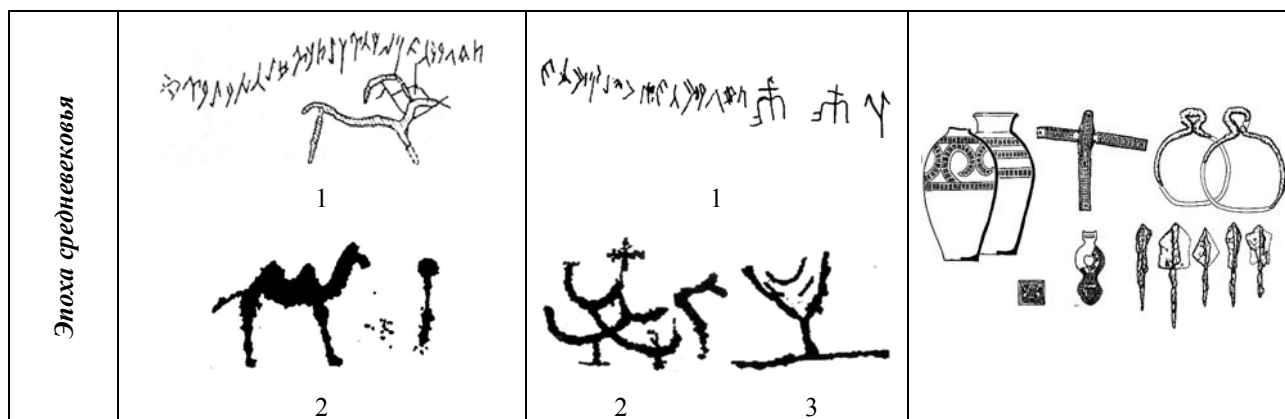

Таблица 1. Минусинский стиль: Тепсей: 1, 2 [Приводится по: 38]; Усть-Туба: 1, 2 [Приводится по: 38]; Ангарский стиль: Усть-Туба: 1, 2 [Приводится по: 36]; Афанасьевская культура: Археологический материал АМТ [Приводится по: 10]; Окуневская культура: Усть-Туба: 1-3 [Приводится по: 38]; Археологический материал АМТ [Приводится по: 7]; Андроновская культура: Археологический материал АМТ [Приводится по: 4]; Карасукская культура: Тепсей: 1 [Приводится по: 36]; Усть-Туба: 1 [Приводится по: 38]; Археологический материал АМТ [Приводится по: 5]; Тагарская культура: Тепсей: 1,4 [Приводится по: 33]; Усть-Туба: 1-3 [Приводится по: 38]; Археологический материал АМТ (Подгорновский этап) [Приводится по: 13]; (Сарагашенский этап) [Приводится по: 14]; Тепсей (Тесинский этап): 1-3 [Приводится по: 33]; Археологический материал АМТ (Тесинский этап) [Приводится по: 27]; Таштыкская культура: Тепсей: 1,3 [Приводится по: 18], 2,4 [Приводится по: 25]; 5 [Приводится по: 38]; Усть-Туба: 1 [Приводится по: 38]; Археологический материал АМТ [Приводится по: 9]; Эпоха Средневековья: Тепсей: 1 [Приводится по: 15]; 2 [Приводится по: 38]; Усть-Туба: 1-3 [Приводится по: 38]; Археологический материал АМТ [Приводится по: 11].

Литература

1. Адрианов, А. В. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 года (из писем секретарю Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии) / А. В. Адрианов // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. – СПб., 1908. – Вып. 8. – С. 37 – 46.
2. Боковенко, Н. А. К вопросу о датировке некоторых енисейских изображений всадников / Н. А. Боковенко // Скифо-сибирский мир: искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1987. – С. 75 – 80.
3. Боковенко, Н. А. Кавказская писаница на Тубе / Н. А. Боковенко, Н. В. Леонтьев // Краткие сообщения Института Археологии. – М., 1985. – № 184. – С. 82 – 88.
4. Вадецкая, Э. Б. Археологические памятники в степях Енисея / Э. Б. Вадецкая. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. – 180 с.
5. Грязнов, М. П. Карасукская культура / М. П. Грязнов // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 29 – 40.
6. Грязнов, М. П. Тагарская культура / М. П. Грязнов // История Сибири: в 5 т. – Т. 1: Древняя Сибирь. – Л., 1968. – С. 187 – 196.
7. Грязнов, М. П. Окуневская культура / М. П. Грязнов // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 27 – 29.
8. Грязнов, М. П. Пункты раскопок / М. П. Грязнов // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 7 – 20.
9. Грязнов, М. П. Таштыкская культура / М. П. Грязнов // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 89 – 146.
10. Грязнов, М. П. Афанасьевская культура / М. П. Грязнов, М. Н. Комарова // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 20 – 27.
11. Грязнов, М. П. Кыргызское время / М. П. Грязнов, Ю. С. Худяков // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. – 146 – 160.
12. Есин, Ю. Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины / Ю. Н. Есин // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 53 – 73.
13. Завитухина, М. П. Подгорновский этап / М. П. Завитухина // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 40 – 54.
14. Завитухина, М. П. Сарагашенский этап / М. П. Завитухина, М. П. Грязнов, М. П. Пшеницына // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 40 – 54.

15. Кляшторный, С. Г. Руническая эпиграфика Южной Сибири (наскальные надписи Тепсей и Турана) / С. Г. Кляшторный // Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб., 2006. – С. 319 – 325.
16. Кубарев, В. Д. Петроглифы Калбак-Таша I / В. Д. Кубарев. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011. – 444 с.
17. Кузьмин, Н. Ю. Окуневский код в семантике тесинско-таштыкской раскраски масок / Н. Ю. Кузьмин // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. – СПб., 2006. – С. 343 – 351.
18. Кызласов, И. Л. Таштыкские рисунки на вершине горы Тепсей / И. Л. Кызласов // Археология Южной Сибири. К 80-летию А. И. Мартынова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – Вып. 26. – С. 103 – 108.
19. Кызласов, Л. Р. Народные рисунки хакасов / Л. Р. Кызласов, Н. В. Леонтьев. – М., 1980. – 176 с.
20. Леонтьев, Н. В. К вопросу о хронологии петроглифов Минусинской котловины эпохи неолита и бронзы / Н. В. Леонтьев // Наскальное искусство Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – Вып. 1. – С. 57 – 58.
21. Миклашевич, Е. А. Петроглифы эпохи поздней бронзы (Южная Сибирь и Средняя Азия) / Е. А. Миклашевич // Наскальное искусство Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – Вып. 1. – С. 33 – 34.
22. Миклашевич, Е. А. «Племя единорога» на Енисее (сяньбэйские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) / Е. А. Миклашевич // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: материалы тематической научной конференции. – СПб., 2004. – С. 320 – 325.
23. Миклашевич, Е. А. Рисунки на скалах у деревни Туэкта (Горный Алтай) / Е. А. Миклашевич // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири (Некоторые результаты стилистического и хронологического анализов). – Горно-Алтайск: Изд-во АКИН, 2006. – Вып. 3 – 4. – С. 219 – 235.
24. Панкова, С. В. Таштыкские гравировки на Тепсее / С. В. Панкова // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – Вып. 2. – С. 52 – 60.
25. Панкова, С. В. Изображения посттагарского и таштыкского времени на скалах Минусинского края / С. В. Панкова // Археологические экспедиции за 2004 год: сб. докладов. – СПб., 2005. – С. 74 – 84.
26. Подольский, Н. Л. О принципах датировки наскальных изображений / Н. Л. Подольский // СА. – 1973. – № 3. – С. 266 – 275.
27. Пшеницына, М. П. Тесинский этап / М. П. Пшеницына // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 70 – 89.
28. Савинов, Д. Г. Тесинские лабиринты (по материалам могильника Есино III) / Д. Г. Савинов // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово, 1995. – С. 6 – 10.
29. Савинов, Д. Г. Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984 – 1989 гг.) / Д. Г. Савинов. – СПб., 2009. – 226 с.
30. Савинов, Д. Г. Тепсей, петроглифический микрорайон и возможности его изучения / Д. Г. Савинов // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. – Кемерово, 2011. – Т. 1. – С. 48 – 53.
31. Савинов, Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986 – 1989 гг.) / Д. Г. Савинов. – СПб.: ЭликСис, 2012. – 180 с.
32. Советова, О. С. Петроглифы горы Тепсей / О. С. Советова // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово, 1995 – С. 33 – 54.
33. Советова, О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы) / О. С. Советова. – Новосибирск, 2005. – 140 с.
34. Советова, О. С. Загадки тепсейского фриза (Тепсей II) / О. С. Советова, И. В. Аболонкова // Археология Южной Сибири. К 80-летию А. И. Мартынова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – Вып. 26. – С. 91 – 102.
35. Советова, О. С. Местонахождение Тепсей I: история изучения и современное состояние / О. С. Советова, А. Н. Мухарева, И. В. Аболонкова // Археология Южной Сибири. К 80-летию А. И. Мартынова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – Вып. 26. – С. 77 – 91.
36. Шер, Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии / Я. А. Шер. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
37. Шер, Я. А. Енисейские писаницы / Я. А. Шер, Н. Л. Подольский, И. Н. Медведская [и др.] // Археологические открытия 1968 года. – М.: Наука, 1969. – С. 180 – 182.
38. Blednova, N. Repertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 2: Sibérie du sud 2: Tepsej I–III, Ust-Tuba I–VI (Russie, Khakassie) / N. Blednova, H.-P. Francfort, N. Legchilo [et al.]. – Paris, 1995. – 153 p.

Информация об авторах:

Советова Ольга Сергеевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии КемГУ, 8 906 922 3712; olgasovetova@yandex.ru.

Olga S. Sovetova – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University.

Аболонкова Ирина Васильевна – магистрант кафедры археологии КемГУ, 8 908 941 1278, abolonirina@mail.ru.

Irina V. Abolonkova – Master's Degree student at the Department of Archaeology, Kemerovo State University.